

Рамантова Ольга Вячеславовна

СЛУШАЮЩИЕ И ПОДСЛУШИВАЮЩИЙ В СИТУАЦИИ СЛУХОВ

В статье рассматривается вопрос о различной роли и степени активности разных участников коммуникативной ситуации слухов (порождения и распространения) и ситуации подслушивания. В связи с этим автор приводит краткий обзор уже разработанных теоретических положений о личностных характеристиках и коммуникативном поведении адресата вообще и делает ряд наблюдений в отношении слушающего и подслушивающего при распространении недостаточно подтвержденной информации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 149-152. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ON THE QUESTION OF TOPONYMS AND MICROTOPYMS OF THE SETTLEMENTS IN THE AKHTYNSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Ramazanova Latifa Dashdemirovna
Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences
Sherifaliev.latifa@yandex.ru

In the article the toponymic fund of the Akhtynsky District, one of the largest and most densely populated areas in the Republic of Dagestan, is considered for the first time. The toponymic material of 19 existing, 17 abandoned and 3 completely disappeared settlements of the district are studied. Special attention is paid to the microtoponyms of the disappeared settlements, particularly to the unrecorded material which is endangered. Their classification by word-formative and morphological models and semantic groups is presented.

Key words and phrases: toponyms; microtoponyms; the Akhtynsky District; settlement; collection and processing; classification; word-formative models; semantic groups.

УДК 81-114.2

В статье рассматривается вопрос о различной роли и степени активности разных участников коммуникативной ситуации слухов (порождения и распространения) и ситуации подслушивания. В связи с этим автор приводит краткий обзор уже разработанных теоретических положений о личностных характеристиках и коммуникативном поведении адресата вообще и делает ряд наблюдений в отношении слушающего и подслушивающего при распространении недостаточно подтвержденной информации.

Ключевые слова и фразы: говорящий; коммуникативный анализ; коммуникативная ситуация; подслушивающий; прагматика; слухи; слушающий.

Рамантова Ольга Вячеславовна

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет имени В. И. Ульянова (Ленина)
ms.ramantova@mail.ru

СЛУШАЮЩИЕ И ПОДСЛУШИВАЮЩИЙ В СИТУАЦИИ СЛУХОВ

В данной статье предпринята попытка обратиться к анализу роли слушающего и, в частности, роли подслушивающего, как *ключевых субъектов* именно в ситуации передачи недостаточно подтвержденной информации. Несмотря на то, что слушающие вообще выполняют существенную роль в любом диалоге, эта роль не исследовалась достаточно подробно в отношении порождения и распространения слухов и потому представляет особый интерес для изучения разных аспектов функционирования категории слухов.

Несмотря на неоднозначность понимания категории «слухи», на материале языка была выявлена и описана структурная и семантическая организация ситуации передачи или порождения непроверенной информации. Исходя из существующих наблюдений представителей прагма-коммуникативного анализа (Дж. Сёрль [5], Д. Гордон, Дж. Лакофф [8], Н. И. Формановская [6; 7], К. А. Долинин [2], Т. Г. Винокур [1]), обычная коммуникативная ситуация включает в себя говорящего, слушающего, сообщение, обстоятельства коммуникации и источник информации. Разница между ситуацией слухов и ситуацией, в которой слухи не передаются, заключается в следующем. В коммуникативной ситуации говорящий, как правило, является первоначальным источником слухов, и вся коммуникативная ситуация является первичной с точки зрения порождения информации. Что касается ситуации слухов, то понятия источника информации и говорящего разделены. Иными словами, говорящий не является источником информации, а первичный источник присутствует в предшествующей ей коммуникативной ситуации, которая не выражена в тексте. Таким образом, основные различия между ситуацией слухов и обычной коммуникативной ситуацией заключаются в: 1) *ролевой нагрузке говорящего*; 2) *характере самой ситуации слухов по ее рекуррентности, то есть она вторична с точки зрения порождения информации*; 3) *качестве информации относительно ее достоверности*. Необходимо добавить, что в ситуации слухов особенно *существенной становится 4) ориентация автора сообщения на слушающего и на действительность*. Другими словами, говорящий как бы заранее конструирует свои высказывания. В этой связи исследователи также отмечают, что по отношению к инициатору коммуникативного акта адресат может выбрать позицию 1) слушающего; 2) собеседника; 3) критика [4, с. 83]. Естественно допустить, что в ходе коммуникации адресат может попеременно выступать то критиком, то просто собеседником или вообще становится пассивным слушающим – *все зависит от заинтересованности последнего в предмете беседы и от его заинтересованности в продолжении диалога*. Говорящий может также учитывать и третьих лиц, о присутствии которых он знает или не догадывается. Диалог может быть адресован именно пассивному слушающему с целью передать ему нужную информацию и побудить к определенным действиям, например, распространить слух дальше. В связи с этим стоит обратиться к наблюдениям Г. Г. Кларка и Т. Б. Карлсона о том, что так называемый «эскиз аудитории» включает в себя: 1) говорящего; 2) участников; 3) адресатов, на которых направлено высказывание говорящего; 4) случайных слушающих

(*overhearers*), которых говорящий не намеревался включать в число «принимающих участие», но которые тем не менее его слышат. Эти четыре роли и определяются говорящим. Конструируя свое высказывание должным образом, говорящий может способствовать тому, что у случайных слушающих формируются правильные гипотезы, неправильные гипотезы или не формируется никаких релевантных гипотез. Таким образом, говорящий может иметь намерения как в отношении известных, так и в отношении неизвестных случайных слушающих, при этом естественно, что выводы случайных слушающих могут быть иногда верны, иногда нет [3].

Нужно признать, что *в ситуации слухов возможны разнообразные комбинации коммуникативных ролей. Так, например, по случайному или роковому стечению обстоятельств говорящий может сообщить информацию не тому, кому она на самом деле адресована, порождая тем самым наиболее быстрое дальнейшее распространение информации и нарушая круг лиц, которым она может быть передана. Здесь будет уместным привести пример из пьесы Шекспира «Много шума из ничего» («Much ado about nothing»):*

1) *Bene. What's he?*

Beat. I am sure you know him well enough.

Bene. Not I, believe me.

Beat. Did he never make you laugh?

Bene. I pray you, what is he?

Beat. Why, he is the prince's jester: a very dull fool; only his gift is in devising impossible slanders: none but libertines delight in him; and the commendation is not in his wit, but in his villany; for he both pleases men and angers them, and then they laugh at him and beat him. I am sure he is in the fleet: I would he had boarded me!

Bene. When I know the gentleman, I'll tell him what you say.

Beat. Do, do: he'll but break a comparison or two on me... [9, p. 124].

Ситуация злословия как частного случая порождения слухов представлена, прежде всего, сообщением, в котором один из коммуникантов (Бенедикт) эксплицитно выражает свое намерение распространить только что услышанную им о нем же самом негативную информацию (например, о том, что он дурак, способный только на сплетни и лести). Девушка (Беатриче) не подозревает, что перед ней собственной персоной находится объект ее же комментариев (персонажи пьесы находятся на маскараде). В данном случае слушающий (Бенедикт) намеренно вводит в заблуждение собеседника, преследуя свои корыстные цели.

В результате исследования было выявлено, что *в большинстве случаев в коммуникативной ситуации слухов принимают участие несколько человек*, при этом они попеременно вступают в диалог, то есть поочередно являются говорящими и слушающими. *Однако при определенных обстоятельствах количество коммуникантов все же может быть ограничено.* Поэтому имеет смысл выделить следующие группы: 1) коммуникативная ситуация с двумя активными участниками; 2) коммуникативная ситуация с двумя активными участниками и пассивными слушающими.

Рассмотрим пример, в котором количество участников общения сведено до минимума:

2) *Pol. Marry, well bethought: 'Tis told me, he hath very oft of late Given private time to you; and you yourself Have of your audience been most free and bounteous. If it be so, – as so 'tis put on me, And that in way of caution, – I must tell you, You do not understand yourself so clearly As it behoves my daughter and your honour. What is between you? give me up the truth.*

Oph. He hath, my lord, of late made many tenders Of his affection to me.

Pol. Affection! pooh! you speak like a green girl, Unsifted in such perilous circumstance. Do you believe his tenders, as you call them?

Oph. I do not know, my lord, what I should think [Ibidem, p. 875].

Ситуация передачи слуха о романтических отношениях между Офелией и Гамлетом репрезентирована двумя коммуникантами, а именно отцом и дочерью. Источник информации в диалоге указан, но говорящий допускает, что полученные сведения не являются достоверными. Количество участников общения сведено до минимума, что объясняется *конфиденциальным характером* обсуждаемой информации.

Далее перейдем к примеру из пьесы «Два веронца» (*The two gentlemen of Verona*), в котором *ситуация передачи слухов реализуется в присутствии пассивных слушающих:*

3) *Pro. I likewise hear that Valentine is dead.*

Sil. And so suppose am I; for in his grave, assure thyself my love is buried.

Pro. Sweet lady, let me rake it from the earth... [Ibidem, p. 39].

При разговоре Сильвии и Протея о дошедших до них слухах о смерти некоторого лица присутствует Джулия, дама из Вероны, но она лишь изредка, для читателя, комментирует ответы Протея, не участвуя в их личной беседе. В данном случае ее присутствие не несет специальной смысловой нагрузки, вместе с тем *она может стать источником последующего распространения информации.*

Особый интерес в аспекте изучения коммуникативного поведения говорящего и слушающего в ситуации слухов представляет *ситуация порождения слухов*, которая может быть представлена или не представлена в тексте. Исходя из того, что ситуация порождения слухов состоит из трех участников: говорящего, слушающего (шифтинговые роли – речь идет об активных коммуникантах) и пассивного присутствующего слушателя, который в последующей ситуации слухов их распространяет и становится говорящим, – можно выделить следующие случаи:

1. Активные коммуниканты знают о присутствии третьего лица, но для них неважно, будет информация передаваться дальше или нет, поэтому сообщение ими не корректируется. Таким образом, если третий слушающий станет говорящим, он будет обладать полным объемом информации.

2. Активные коммуниканты знают о присутствии третьего лица. Однако они не хотят последующего распространения информации и корректируют ее с учетом нежелательного третьего присутствующего. Следовательно, при последующей передаче информация будет иметь искаженный вид.

3. Два коммуниканта. Они знают о присутствии третьего лица и конструируют диалог с учетом третьего присутствующего с целью спровоцировать его на последующую передачу информации. Они заведомо формируют искаженную информацию, которая в последующем и передается в соответствии с задумкой коммуникантов.

4. Два коммуниканта не знают о присутствии третьего лица. В ситуации, состоящей из двух участников, о третьем слушающем неизвестно. Поэтому коммуникативное поведение участников общения естественно и информация не претерпевает никаких изменений.

Проанализируем следующий пример текста из пьесы Шекспира «Много шума из ничего» (*Much ado about nothing*):

4) *D. John. I make all use of it, for I use it only. Who comes here?*

Enter Borachio.

What news, Borachio?

Bora. I came yonder from a great supper: the prince, your brother, is royally entertained by Leonato; and I can give you intelligence of an intended marriage.

D. John. Will it serve for any model to build mischief on? What is he for a fool that be-troths himself to unquietness?

Bora. Marry, it is your brother's right hand.

D. John. Who? the most exquisite Claudio?

Bora. Even he.

D. John. A proper squire! And who, and who? which way looks he?

Bora. Marry, on Hero, the daughter and heir of Leonato.

D. John. A very forward March-chick! How came you to this?

Bora. Being entertained for a perfumer, as I was smoking a musty room, comes me the prince and Claudio, hand in hand, in sad conference: I whipt me behind the arras, and there heard it agreed upon that the prince should woo Hero for himself, and having obtained her, give her to Count Claudio [Ibidem, p. 122].

В данном отрывке репрезентирована ситуация распространения слуха. Вместе с тем в тексте эксплицитно представлена и ситуация порождения слуха. Приближенный Дона Хуана Борачио спешит сообщить Дону Хуану свежие новости.

Новость о предстоящей свадьбе касается Клавдио, которого Дон Хуан сильно недолюбливает за успешность. Борачио становится первоисточником слуха, то есть он находится к источнику информации ближе всех. Его позицию укрепляет то, что, поскольку он непосредственно присутствовал при обсуждении матримонильных планов Клавдио, для говорящих он оставался ненаблюдаемым слушающим, то есть подслушивающим. Иначе говоря, обсуждая что-то, активные коммуниканты не изменяли информацию, что существенно для сохранения правдивости сведений. Можно предположить, что диалог принца и Клавдио носил достаточно конфиденциальный характер и они не стали бы продолжать беседу, если бы встретили подданного Дона Хуана. Внимание Борачио привлекло то, что принц и Клавдио обсуждали что-то серьезно. Это также мотивировало его на подслушивание. *То есть определенная манера речи также может провоцировать определенное коммуникативное поведение, в данном случае скрытое подслушивание.*

В качестве заключения и исходя из личных наблюдений в ходе исследования, можно отметить следующее. В ситуации слухов слушающий не просто является одним из потенциальных адресатов информации, а в большей или меньшей степени уже вовлечен в описываемое говорящим событие, что дает ему полное право и оценивать слухи, и подтверждать или опровергать непроверенные новости. Коммуникативный анализ ситуации слухов позволяет выявить различные комбинации, когда слушающие в той или иной мере причастны к зарождению и потенциальной передаче возможно искаженной информации. Стоит особо признать тот факт, что *чем ближе слушающий или подслушивающий к источнику так называемого слуха, тем больше слух нивелируется при возможной последующей его передаче.* Особый колорит коммуникативной ситуации всегда придает неявное присутствие третьего лица или обман говорящего слушающим (как, например, в ситуации с маской), что также существенно для формирования сюжетной линии. Как показал материал, на подслушивание слушающего может мотивировать даже просто манера речи коммуникантов, а не только сугубо личный интерес и задачи коммуникации.

Список литературы

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с.
2. Долинин К. А. Интерпретация текста. М.: Гнозис, 1985. 288 с.
3. Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 282-285.
4. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. М.: Рипол классик, 2002. 317 с.
5. Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 1999. Вып. II. С. 229-253.
6. Формановская Н. И. Коммуникативный контакт. М.: ИКАР, 2012. 200 с.
7. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие. Коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с.
8. Gordon D., Lakoff G. Conversational postulates // CLS. 1971. V. 7. P. 63-85.
9. Shakespeare W. Complete works. London, 1965. 1166 p.

LISTENERS AND AN EAVESDROPPER IN THE SITUATION OF GOSSIP

Ramantova Ol'ga Vyacheslavovna
 Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"
 ms.ramantova@mail.ru

The article discusses the different roles and degree of activity of various participants of the communicative situation of gossip (the creation and spreading) and the situation of eavesdropping. In this regard the author gives a brief overview of the already developed theoretical positions about the personal characteristics and communicative behaviour of the addressee in general and makes a number of observations in relation to the listener and the eavesdropper in the process of the spreading of insufficiently confirmed information.

Key words and phrases: speaker; communicative analysis; communicative situation; eavesdropper; pragmatics; gossip; listener.

УДК 81'373.45

Статья посвящена проблемам изучения исторической фразеологии. Исследуются фразеологические кальки, представляющие собой заимствования из французского языка. Мемуарная проза второй половины XVIII в., взятая в качестве источника, несет на себе характерный языковой отпечаток эпохи и отражает основные тенденции развития литературного языка. Отмеченные процессы лексико-семантического и фразеологического калькирования способствуют формированию и упорядочиванию корпуса русской фразеологии.

Ключевые слова и фразы: языковые контакты; русско-французская фразеология; языковые тенденции; фразеологическое и семантическое калькирование; мемуарные источники; предпушкинский период.

Редькина Наталья Сергеевна, к. филол. н.
 Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
 n.redkina@rsu.edu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАПИСОК» XVIII В.)

Выбор темы настоящего исследования и постановка его проблемы обусловлены стремлением показать роль мемуарных источников в образовании фразеологической системы и определить основные процессы, повлиявшие на ее становление в литературном языке.

Объектом рассмотрения в данной статье является русская фразеология французского происхождения, извлеченная из мемуаров второй половины XVIII в. Основным материалом для изучения послужил следующий источник: «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» (1738-1795). В качестве дополнительных источников были привлечены «Собственноручные записки императрицы Екатерины II» и «Записки. 1743-1810» Е. Р. Дашковой [4; 6; 9].

Лексико-фразеологическая и в некоторой степени грамматическая система языка как национальное достояние сохраняет устойчивые выражения, перешедшие в «иное "языковое состояние" в первоизданном виде или с незначительными изменениями, чаще всего означавшими приобретение нейтральными единицами экспрессивных качеств» [8, с. 46].

До сих пор лингвистическая наука не располагает достаточными данными об исторических тенденциях, которые определяют формирование фразеологической системы языка. Еще В. А. Архангельским была заявлена важность диахронического аспекта исследования фразеологического состава, закономерностей его развития и функционирования в русском языке с XI в. по настоящее время [1].

Петровская эпоха с ее кардинальными преобразованиями в большинстве сфер жизни повлекла за собой и качественные перемены в области литературного языка, при становлении которого в течение века тот или иной западный язык оказывался на вершине влияния. Во второй половине XVIII в. французский язык, сменяя немецкий, стал необходимым критерием приобщения русского народа к европейской цивилизации, что способствовало глубокому и плодотворному взаимодействию двух языковых систем.

Среди источников пополнения фразеологического фонда русского языка французская фразеология занимает не последнее место. Влияние французского языка «выразилось в основном в процессах лексического (семантического) и фразеологического калькирования» [7, с. 9]. Мемуарная литература XVIII в. в полной мере отражает те тенденции языкового заимствования, которые обозначились в языке допушкинского периода.

Указывая приемы и принципы смешения русского языка с французским языком в XVIII в., В. В. Виноградов различал несколько явлений: 1) семантическое приспособление русских слов к соответствующим французским; 2) калькирование как источник пополнения эстетического и литературного словаря и др. [5, с. 177-191].

Рассматривая извлеченные из мемуарных источников фразеологизмы с точки зрения структуры и лексического состава, отметим соответствие большей части устойчивых оборотов базисным моделям русской фразеологии. При этом полукальки, составляющие половину языкового материала, представляют собой фразеологические единицы, часть компонентов которых переведена, а часть заимствована без перевода.

Поскольку коммуникативное значение фразеологизма ограничивает его функциональность, то точные фразеологические кальки со структурой предложения единичны в текстах мемуаров: *Какая муха его укусила?*